

RU

«Новая искренность» в пословично-фразеологической парадигме
нового и старого

Никитина Т. Г.

Аннотация. Цель исследования – выявление аксиологических характеристик контекстуальной реализации фразеологизма «новая искренность» на интернет-порталах СМИ и в коммуникативном пространстве социальных сетей последнего десятилетия. В статье анализируются употребления оборота в исходной форме и его преобразования, позволяющие проследить отношение носителей языка к обозначаемому социокультурному феномену. Научная новизна исследования состоит в рассмотрении особенностей современного функционирования данного оборота на фоне концептуальной оппозиции старого и нового, отражаемой русскими фразеологизмами и пословицами; структурно-семантические трансформации соотносятся с современными моделями и механизмами преобразования фразеологических единиц в актах языковой игры. Впервые представлены возможности лексикографической репрезентации новых социокультурно обусловленных оценочных коннотаций оборота «новая искренность» и трансформаций оборота. В результате исследования установлено, что преобразования фразеологизма «новая искренность» в современной речи осуществляются в соответствии с продуктивными моделями трансформации атрибутивных устойчивых словосочетаний; социокультурная обусловленность трансформаций заключается в их связи с тенденциями в сфере искусства, литературы, медиакоммуникации. Аксиологическое содержание трансформов соотносимо с аксиологемами традиционных русских паремий и фразеологизмов, трансформы естественным образом встраиваются в общезыковую пословично-фразеологическую парадигму нового и старого. Предлагаемая модель лексикографического описания оборота «новая искренность» позволяет показать динамику его содержания в оценке носителями языка и обусловленность этого процесса социокультурными факторами.

EN

The "new sincerity" in the proverbial phraseological paradigm
of the new and the old

T. G. Nikitina

Abstract. The purpose of the study is to identify the axiological characteristics of the contextual implementation of the phraseology "new sincerity" on the Internet portals of the media and in the communicative space of social networks of the last decade. The article analyzes the use of the expression in its original form and its transformations, which make it possible to trace the attitude of native speakers to the designated socio-cultural phenomenon. The scientific novelty of the study consists in considering the features of the modern functioning of this expression against the background of the conceptual opposition of the old and the new, reflected by Russian phraseological units and proverbs; structural and semantic transformations correlate with modern models and mechanisms of transformation of phraseological units in acts of language play. For the first time, the possibilities of lexicographic representation of new socio-culturally conditioned evaluative connotations of the expression "new sincerity" and transformations of the expression are presented. As a result of the study, it was found that the transformations of the phraseologism "new sincerity" in modern speech are carried out in accordance with productive models of transformation of attributive stable phrases; the socio-cultural conditionality of transformations lies in their connection with trends in the field of art, literature, and media communication. The axiological content of transformations is correlated with the axiologems of traditional Russian paroemias and phraseological units, transformations are naturally integrated into the general linguistic proverbial-phraseological paradigm of the new and the old. The proposed model of lexicographic description of the expression "new sincerity" allows us to show the dynamics of its content in the assessment by native speakers and the conditionality of this process by socio-cultural factors.

Введение

Актуальность исследования определяется интересом лингвистов и лингвокультурологов к социокультурно обусловленным динамическим процессам в русской лексике и фразеологии, культурным тенденциям, которые находят отражение в языке медиасферы, необходимостью лексикографической фиксации новых языковых единиц, потребностью лингвосоциокультурологической интерпретации их трансформаций и аксиологической направленности.

Одной из таких единиц является фразеологизм *новая искренность* – наименование культурной парадигмы, характеризующейся отказом от присущих постмодернизму иронии и цинизма, возвращением к универсальным человеческим ценностям, что выражается в повышенной эмоциональности, публичной откровенности, «исповедальности», сознательном нарушении границ приватности в массмедийном, политическом, художественном дискурсе (Гладко, 2022, с. 8-9; Иссерс, Герасимова, 2024, с. 30-32). Несмотря на более чем 30-летнюю историю социокультурного феномена «новой искренности», изучение его дискурсивной реализации не только не теряет актуальности, но и приобретает особую популярность в последние годы, когда происходит осмысление результатов эволюционного процесса, затронувшего это понятие. Выявляются общие закономерности и авторские языковые средства воплощения «новой искренности» в художественной литературе (Горбовская, 2023; Жучкова, 2023; Bowden, 2021), театра и кино (Кузнецова, 2019; Романов, Торопова, 2024). На материале политической сферы (Иссерс, 2020; Чабанная, 2024), новостного, аналитического и познавательного медиадискурса (Гладко, 2022; 2024), а также разнопланового контента социальных сетей и мессенджеров (Фортунатов, Воскресенская, 2021; Дебердиева, 2024; Каминская, 2024) «новая искренность» исследуется как коммуникативная практика, в том числе манипуляционная, и как современная маркетинговая технология, решающая задачи привлечения аудитории и продажи рекламируемого продукта (Иссерс, Герасимова, 2024; Го Лицзюнь, Щетинина, 2024; Леонтьева, Аглагич, 2024). Разработаны понятийные модели «новой искренности» применительно к разным социокультурным сферам (Леонтьева, Аглагич, 2024, с. 100-107), сформировано и структурировано в формате идеографического словаря лексико-семантическое поле, репрезентирующее «новую искренность» (Го Лицзюнь, Щетинина, 2024). При таком пристальном внимании лингвистов к данному феномену в его языковом отображении крайне редко объектом исследования становится сам фразеологизм *новая искренность*. Коммуникативно-прагматические характеристики оборота и семантический объем его компонентов определены Т. В. Леонтьевой и А. В. Щетининой (2022), однако авторы ограничиваются исходной формой фразеологизма, не рассматривают его аксиологически маркированные трансформации.

В задачи нашего исследования входит разработка новых аспектов проблемы:

- выявление трансформационного потенциала оборота *новая искренность* и структурно-семантических особенностей трансформов, функционирующих в современном медиадискурсе;
- соотнесение их аксиологического содержания с аксиологемами традиционных русских паремий и фразеологизмов, отражающих концептуальную оппозицию нового и старого;
- разработка приемов лексикографического описания трансформаций оборота *новая искренность* в медиадискурсе.

Материалом для исследования послужил контент интернет-порталов СМИ («Деловой Петербург», «Независимая газета», «Новости Беларуси», «Время новостей», «Город812», блогосферы, социальных сетей и мессенджеров 2014-2024 гг.), а также словари русских пословиц и поговорок:

- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г., Николаева Е. К. Большой словарь русских пословиц. М.: Олма Медиа Групп, 2010 (МНН);
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: Олма Медиа Групп, 2013 (МН).

В ходе работы с материалом использовались методы: контекстуального и компонентного анализа (при определении денотативной соотнесенности и семантических нюансов контекстуальной реализации исследуемого оборота), структурно-семантического моделирования (при выявлении механизмов и моделей трансформации фразеологизма), лексикографического конструирования (при разработке приемов параметризации фразеологических трансформаций).

Теоретическую базу исследования составили основные положения концепций лингвокультурологического описания фразеологизмов и паремий (Мокиенко, 1989; Телия, 1996; Ковшова, 2019), теории фразеологических и паремиологических трансформаций (Федорова, 2007; Мелерович, Мокиенко, 2011), медиалингвистических исследований (Иссерс, 2008; Дускаева, 2012), работ по неологике и языковой игре (Норман, 2006; Кронгауз, 2008).

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его результатов в вузовской практике преподавания лингвистических дисциплин, при разработке проблем лингвокультурологии, лингвоаксиологии, неологии, фразеологической трансформации, а также в лексикографической практике при описании лексико-фразеологического состава языка в его динамике.

Обсуждение и результаты

Концептуальная оппозиция нового и старого представлена в русском языке десятками пословиц, построенных на базе аналогичного паремийного бинама – устойчивой пары компонентов пословиц (Селиверстова, 2022, с. 115), а также многочисленными фразеологизмами, отражающими оценочное отношение говорящих

к старому и новому. Соотнесем аксиологемы (оценочно маркированные идеи) традиционных паремий и фразеологизмов, образующие пословично-фразеологическую парадигму нового и старого, с аксиологическими смыслами, реализуемыми оборотом *новая искренность* в медиадискурсе.

В соответствии с аксиологемой «Старое часто выдается за новое» (*Новое – это хорошо забытое старое; Старая песня на новый лад; Тот же блин, да подмазан* (МН, с. 43, 495)) в контенте интернет-порталов трактуется и содержание выражения *новая искренность* в его исходном, первоначальном смысле, когда предполагалось, что обозначаемая таким образом социокультурная тенденция принесет баланс и гармонию в жизнь человека (Гладко, 2022, с. 9), ср.: ответ на вопрос *Что такое новая искренность? (приведите примеры) – Не нужно приводить примеры. Это хорошо забытое старое. Ты не помнишь рокеров и тем более хиппи?* (Ответы Mail.ru. otvet.mail.ru).

Согласно народному опыту, отраженному в пословицах, новое – естественно и неизбежно: *Новое время – новые песни; Новые птицы – новые песни; Старая слава новую любит* (МНН, с. 165, 731, 817), однако не всегда новое оказывается полезным и правильным: *Всегда новизна, да редко правизна; Много новизны, да мало прямизны; Много нового, да мало хорошего; Что новизна, то и кривизна* (МНН, с. 598-599). Так квалифицируется и *новая искренность* в интернет-коммуникации, например в заголовке поста *Что такое эта ваша новая искренность* (Живой Журнал. doctor-moro.livejournal.com) явно просматривается интертекстема *Какая же гадость эта ваша заливная рыба* (к/ф «Ирония судьбы, или С легким паром») с соответствующими коннотациями. *Новая искренность не сильно искренняя* (Дневники. diary.ru) – это утверждение блогера совпадает с мнением лингвистов, характеризующих *новую искренность* как «неискреннюю» (Леонтьева, Аглагич, 2024, с. 99).

Не переоценивать степень новизны наблюдаемых явлений советует зафиксированная Э. Вейсманом еще в 1731 г. пословица *На свете ничего нового не делается (не бывает)* (МНН, с. 790) или же крылатое выражение *Ничто не ново под луною* – цитата из стихотворения Н. М. Карамзина «Опытная Соломонова мудрость, или Выбранные мысли из Екклесиаста» (1797 г.). К понятию «новая искренность» эти утверждения вполне применимы, что подтверждают рассуждения участников обсуждения на интернет-портале: *Новая искренность – то же, что и «осетрина второй свежести», искренность не может быть «новой» или «старой»; Нет ни «новой», ни «старой» искренности – она всегда одна* (Ответы Mail.ru. otvet.mail.ru). Тем не менее контексты подтверждают, что в активном лексико-фразеологическом запасе сторонников этой точки зрения, тоже имеются обороты, обозначающие две концептуальные «разновидности» искренности.

На оппозиции *старое – новое* и антонимии соответствующих прилагательных в современном русском языке часто строятся трансформации пословиц, фразеологизмов и других составных наименований (*старая метла по-новому метет* – ‘об изменении стиля руководства’; *новые русские* → *старые русские* – ‘о меценатах в дореволюционной России’; *старые песни о главном* → *новые песни о старом* – ‘о назойливом повторении чего-л.’). По этой модели в акте трансформации фразеологизма *новая искренность* создается оборот *старая искренность*, который используется для обозначения реальной чистосердечности, открытости, подлинности, приверженности истинным ценностям, например в искусстве: *Старая искренность всегда в цене* – заголовок материала о премьеры в театре (Беларусь сегодня. sb.by), также в заголовке: *Старая искренность. Любительское фото начала века в Музее архитектуры* (Время новостей. vremya.ru) и в названии музыкального альбома: «*Старая искренность*» – альбом группы FinFash (Одноклассники. ok.ru).

Фразеологические единицы *старая искренность* и *новая искренность* сталкиваются в контекстах, образно представляющих различия коммуникативных тактик, реализуемых персонафицированными объектами фразеологической номинации: *Если старая искренность тихо плакала в чулане, то новая повела себя напористо, под стать коробейнику в электричке* (Р. Арбитман // Alterlit. alterlit.ru). Отмечаются жанровые особенности художественного воплощения рассматриваемой оппозиции: *Чем все же отличается искренность «новая» от старой? – Тем, что это не драма, не катарсис, а прием. Вокруг новой искренности строится жанр псевдоисповеди, и это вызывает ощущение фальши* (А. Щипков // Российский писатель. gospisatel.ru). Компоненты-антонимы образующих оппозицию фразеологизмов становятся структурно-семантической основой заголовков медиатекстов, раскрывающих суть трансформации искренности: *Как тренд на новую искренность обернулся старым лицемерием* (The Symbol of Influence. thesymbol.ru), *Старая искренность или новая пропаганда* (Дзен. dzen.ru).

Если традиционные паремии транслируют установку «К прошлому нет возврата» – *Прошлого не вернешь; Что ушло, того не воротить* (МНН, с. 728, 924), то трансформация фразеологизма *новая искренность* (→ *старая новая искренность*) свидетельствует о том, что возвращение к прежней «искренней искренности» одобряется, например, в сфере искусства: *Старая новая искренность* (Московский академический театр имени Владимира Маяковского. mayakovskiy.ru), *Старая новая искренность из Нижнего Новгорода* (Независимая газета. ng.ru), *Старая новая искренность: главные снимки ретроспективы Всеволода Тарасевича в «Мультимедиа-арт-музее»* (Московские сезоны. московские сезоны.рф) – заголовок материалов о фотовыставке и театральных постановках, для которых характерен искренний интерес к человеку, стремление к естественности, простоте, честности. *Старая новая искренность* в проявлении человеческих чувств тоже нашла отражение в медиаматериале: *Старая новая искренность от мэра Хабаровска Сергея Кравчука. Градоначальник прослезился на выступлении маленьких гимнасток, а они не растерялись и попросили у мэра... новый ковер. Кравчук сказал: «Ковер будет» и, не боясь снова расстроиться, пообещал прийти на гимнастический перформанс еще раз* (Telegram Store. ru.telegram-store.com).

Противоположный вектор трансформации устойчивых сочетаний с компонентом *новый* задается естественными отношениями следования во времени (*новый* → *сверхновый*): *сверхновые русские* – ‘успешные предприниматели, создавшие бизнес после 2000 г.’ (Google Подкасты. podcasts.google.com), в том числе в названии документального фильма о молодых бизнесменах (Отзовик. otzovik.com); *Библия. Сверхновый Завет* (А. Деперо // Литрес. litres.ru), *Сверхновый Завет* (Р. Василишин // Дзен. dzen.ru) – в названиях книг современных авторов.

Эта модель используется и при фразеологической трансформации, цель которой – отразить очередную стадию эволюции искренности: *Это уже не новая искренность, а сверхискренность, абсолютная открытость, обнаженность* (ЛитМир. litmir.club); *Образец сверхновой искренности в литературе: <...> когда все техники и черпаны и кругом пост-пост и мета-мета, не остается другого способа, кроме как перестать изобретать литературу и откровенно рассказывать о себе* (The Blueprint. theblueprint.ru). Откровенность как сверхновый вариант искренности оценивается неоднозначно: представляется циничной: *Сверхновая искренность – она же циничная откровенность* (Telegram. t.me) и по-прежнему нарочитой, показной, например в киноискусстве: *Сверхновая искренность – при всей своей сумасшедшей красоте – пахнет кожаменителем* (Кинопоиск. kinopoisk.ru). И только совсем в другой сфере – современной военной журналистике – видим сверхновую искренность, новизна которой – в возвращении к исходному смыслу: *Это искренность, конечно, военная, боевая, искренность во время войны. Но эта искренность сверхновая, потому что она – старая, старая как мир, только проявилась она теперь уже у наших детей, и язык их поэтому новый – это язык старой, даже древней молитвы, рождающейся теперь в душах наших детей* (И. Панкратьев // Живой журнал. livejournal.com). В этом смысле оборот *сверхновая искренность* синонимичен рассмотренному выше трансформе *старая новая искренность*, что должно быть учтено при лексикографической разработке материала.

Наряду с трансформационным расширением компонентного состава исходного оборота (*старая новая искренность*) и заменами его атрибутивного компонента (*старая искренность, сверхновая искренность*) нельзя оставить без внимания и замену субстантивного компонента. Здесь, как и в одноструктурном обороте (*новые русские* → *новые нерусские* – ‘о мигрантах’) (Еженедельник Звезда. zvezdaweekly.ru), варьируемые компоненты – словообразовательные антонимы: *новая искренность* → *новая неискренность*. Фразеологическая трансформация отражает суть явления, показанную выше на текстовом материале, где новая искренность квалифицировалась как «не совсем искренняя», «неискренняя». Проявления новой неискренности в искусстве – это конъюктурность, неестественность, надуманная «накрутка» эмоций, как, например, в ремейке известного фильма – «эталонном примере новой неискренности» (Город812. gorod-812.ru). В писательской среде считается, что «новая неискренность – это литературная неполноценность в твердой обложке под раскрученным брендом» (Независимая газета. ng.ru). Как рекламная, манипулятивная технология «новая неискренность», по свидетельству заголовков и лидов медиаматериалов, функционирует в социально-политической сфере: *Новая неискренность. Коммуникации в политических и технологических реалиях* (Одноклассники. ok.ru); *Новая неискренность. Философ Александр Рубцов об опасностях новой модернизационной риторики* (Ведомости. vedomosti.ru); *Новая неискренность эпохи коронавируса. Такая она – новая неискренность эпохи коронавируса. Государство с его заботой о каждом, к сожалению, не всегда отчетливо видно* (Мои года. moi-goda.ru).

Результаты анализа трансформаций фразеологизма *новая искренность*, могут дополнить предлагаемое Т. В. Леонтьевой и А. В. Щетининой (2022, с. 195–196) лексикографическое описание оборота: выявленные оттенки значений с оценочными пометами будут даваться здесь под знаком (/). Репрезентация трансформаций (***) следует за описанием исходного фразеологизма, трансформы получают толкования и эмотивно-оценочную параметризацию (пометы). За знаком (<) размещается справка о механизме трансформации. Приведем разработанный макет словарной статьи без иллюстративных контекстов, которые использованы по ходу изложения темы.

НОВАЯ ИСКРЕННОСТЬ. 1. *Язык СМИ.* Откровенный рассказ о себе, открытое выражение эмоций в публичном пространстве (Леонтьева, Щетинина, 2022, с. 195). // *Неодобр.* Неестественное, нарочитое выражение испытываемых эмоций в публичном пространстве. 2. *Маркетинг.* Технология коммуникации, основанная на откровенности и эмоциональности, реализуемая в маркетинговой, политической и других сферах с целью оказать влияние на аудиторию (Леонтьева, Щетинина, 2022, с. 196). // *Неодобр.* Чрезмерно агрессивная манипуляционная реализация данной технологии.

** **Старая искренность.** *Одобр.* Проявление реальной чистосердечности, открытости, приверженности истинным ценностям в искусстве, литературе, публицистике (до эпохи постмодернизма). < Трансф. *новая искренность* (замена компонента).

** **Старая новая искренность.** *Одобр.* Проявление реальной чистосердечности, открытости, приверженности истинным ценностям в искусстве, литературе, медиакоммуникации в современных социокультурных условиях. < Трансф. *новая искренность* + *старая искренность* (контаминация)

** **Сверхновая искренность.** 1. *Одобр.* То же, что *старая новая искренность*. 2. *Неодобр.* Нарочитая, показная, часто – циничная откровенность в искусстве, литературе, медиакоммуникации. < Трансф. *новая искренность* (замена компонента).

** **Новая неискренность.** *Неодобр.* 1. Неестественная, нарочитая откровенность, выражение испытываемых эмоций в публичном пространстве. 2. // Чрезмерно агрессивная манипуляционная реализация маркетинговой или политической технологии, основанной на откровенности, эмоциональности. < Трансф. *новая искренность* (замена компонента).

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам.

Трансформационный потенциал фразеологизма *новая искренность* определяется структурно-семантическими особенностями оборота: возможны антонимические замены компонентов, расширение компонентного

состава в соответствии с моделями трансформации атрибутивных устойчивых словосочетаний; социокультурная обусловленность трансформаций заключается в их связи с тенденциями в сфере искусства, литературы, медиакоммуникации.

Аксиологическое содержание трансформов оборота *новая искренность* соотносимо с аксиологемами традиционных русских паремий и фразеологизмов, рассмотренные трансформы естественным образом встраиваются в пословично-фразеологическую парадигму нового и старого, где новое часто трактуется как не всегда полезное и правильное или не обладающее признаками новизны, одобряется возвращение к лучшим образцам прошлого, их корректное обновление.

Комплексное лексикографическое описание новых русских фразеологизмов должно включать их аксиологически ориентированные оттенки значения и трансформации, сопровождающиеся толкованиями, эмоционально-оценочными пометами и экспликацией механизмов преобразования. В случае с оборотом *новая искренность* предлагаемая модель словарной репрезентации позволит показать динамику его содержания в оценке носителями языка и обусловленность трансформационных процессов социокультурными факторами.

В качестве перспективы исследования можно обозначить наблюдение за дальнейшим развитием аксиологического содержания рассмотренного фразеологизма в его трансформациях, соответствующее обновление разработанной словарной статьи, а также лексикографическое описание по предложенной модели других фразеологических единиц, отражающих современные социокультурные реалии, для их последующей репрезентации в новом лингвокультурологическом фразеологическом словаре.

Источники | References

1. Гладко М. А. Дискурсивная реализация «новой искренности» в коммуникативном пространстве медиа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2024. Т. 23. № 2.
2. Гладко М. А. Лингвистическая репрезентация «новой искренности» и чувствительности в медиапространстве // Terra Linguistica. 2022. Т. 13. № 4. <https://doi.org/10.18721/JHSS.13401>
3. Го Лицзюнь, Шетинина А. В. Лексико-семантическое поле «Новая искренность»: неологизмы в российском и китайском медиадискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2024. Т. 23. № 2.
4. Горбовская С. Г. Признаки литературы «новой искренности» в романе Ванессы Диффенбах «Язык цветов» // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 2. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-2-188-202>
5. Дебердиева И. И. Речевой жанр комментария как способ реализации социальных потребностей участников интернет-коммуникации (по результатам опроса) // Филология и человек. 2024. № 1. [https://doi.org/10.14258/filichel\(2024\)1-05](https://doi.org/10.14258/filichel(2024)1-05)
6. Дускаева Л. Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. СПб.: СПбГУ, 2012.
7. Жучкова А. В. Новая неискренность: о творчестве Захара Прилепина // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2023. № 5. <https://doi.org/10.20339/PhS.5-23.102>
8. Иссерс О. С. Грани «новой искренности» в современной политической коммуникации // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2020. Т. 19. № 6. <https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-6-216-227>
9. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛКИ, 2008.
10. Иссерс О. С., Герасимова А. С. Стратегии интервью в контексте «новой искренности»: «секрет на миллион» и немного меньше // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2024. Т. 23. № 2.
11. Каминская Т. Л. Проявление «новой искренности» в медиатекстах соцсетей: интенции, эффекты и речевое воплощение // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2024. Т. 23. № 2.
12. Ковшова М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культур. М.: URSS, 2019.
13. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак; Языки славянских культур, 2008.
14. Кузнецова М. О. Мотив отцеприимства: от кинематографа «оттепели» к российскому кинематографу «новой искренности» // Театр. Живопись. Кино. Музыка. 2019. № 2.
15. Леонтьева Т. В., Аглагич С. Технологичность «новой искренности» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2024. Т. 23. № 2.
16. Леонтьева Т. В., Шетинина А. В. Сочетание новая искренность в лексикографическом аспекте // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 6. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-6-183-201>
17. Мелерович А. М., Мокиенко В. М. Современная русская фразеология (семантика – структура – текст). Кострома: КГУ, 2011.
18. Мокиенко В. М. Славянская фразеология. М.: Высш. шк., 1989.
19. Норман Б. Ю. Игра на гранях языка. М.: Флинта; Наука, 2006.
20. Романов И. Ю., Торопова А. А. Нечестные знаки новой искренности: очередной виток отчуждения общества спектакля // Идеи и идеалы. 2024. Т. 16. № 1-1. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2024-16.1.1-166-184>
21. Селиверстова Е. И. Бинарные структуры в тувинских пословицах как проявление национально-маркированного видения мира // Новые исследования Тувы. 2022. № 1. <https://doi.org/10.25178/nit.2022.1.8>

22. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Языки русской культуры, 1996.
23. Федорова Н. Н. Современные трансформации русских пословиц. Псков: Логос, 2007.
24. Фортунатов А. Н., Воскресенская Н. Г. Цифровые компетенции и технологии новой искренности в эпоху WEB 4.0 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2021. Т. 26. № 2. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2021-26-2-276-285>
25. Чабанная А. Г. «Новая искренность» как инструмент речевого манипулирования в политических речах Джо Байдена // Политическая лингвистика. 2024. № 1 (103).
26. Bowden M. Shamelessness and New Sincerity: Dostoevsky, David Foster Wallace, and Trump's America // Literature of the Americas. 2021. No. 11. <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-11-155-182>

Информация об авторах | Author information

Никитина Татьяна Геннадьевна¹, д. филол. н., проф.

¹ Псковский государственный университет

Tatiana Gennadievna Nikitina¹, Dr

¹ Pskov State University

¹ cambala2007@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 17.06.2024; опубликовано online (published online): 22.07.2024.

Ключевые слова (keywords): аксиологическое содержание пословиц; структурно-семантические трансформации фразеологизмов; социокультурная обусловленность фразеологических трансформаций; оценочные коннотации фразеологизмов; фразеологизмы в медиатексте; axiological content of proverbs; structural and semantic transformations of phraseological units; sociocultural conditionality of phraseological transformations; evaluative connotations of phraseological units; phraseological units in the media text.